

— Испанская тема занимает немалое место в русской литературе. Многие ваши крупные писатели не обошли ее. Как Вы это объясняете?

— Действительно, по каким-то причинам, о которых, может быть, не так легко сказать, Испания занимает совершенно особенное место в русской литературе. Почти ни один крупный писатель и поэт не прошли мимо испанской темы. И многие крупные русские композиторы тоже занимались Испанией. Можно строить предположения, что общее или что связывает эти две страны, расположенные на крайнем востоке и на крайнем западе Европы. Казалось бы, наш национальный тип очень разнится в наружности, в поведении, испанцы и русские несколько друг на друга не похожи, но может быть мы найдем и удивительные общие черты нашей истории. Собственно говоря, Россия и Испания защитили Европу от двух нашествий: Россия от монголов, Испания от мавров, и если бы не Россия и Испания, то современная Европа, очевидно, не была бы сама собой, она не была бы тем, что она есть. Ее независимая история была обеспечена вот этими двумя щитами, восточным и западным. Может быть, общее между Испанией и Россией в то, что обе они устояли против наполеоновского нашествия, и только они, больше никто тогда, кроме них. Может быть, есть общее в том запасе энергии, который двинул русское и испанское влияние так далеко, что вот я в прошлом году на Тихоокеанском побережье Америки видел, как эти два влияния на другой стороне земного шара сошлись — испанское с юга, русское через Аляску. Во всяком случае, большое внимание к испанской теме мы ясно наблюдаем в русской литературе.

— У Вас тоже в «Случае на станции Кречетовка» лейтенант Зотов с большим волнением отзывается на испанскую войну. А какие у вас были касания с испанской темой?

— Должен сказать, что Испания коснулась и моей жизни. Ну, в лагерях я немало встречался с тем, что сидели то бывшие испанские дети, вывезенные в СССР, то бывшие испанские революционеры и моряки или летчики, которые оказывались в Советском Союзе. Несколько таких случаев я упомянул в «Архипелаге ГУЛАГ». Но еще раньше Испания вошла в жизнь нашего поколения — как бы это сказать? — как любимая война нашего поколения. Нам, мне и моим сверстникам, было 18—20 лет в то время, когда шла ваша гражданская война. И вот удивительное влияние политической идеологии, этой бесцеремонной земной религии социализма, — с какой силой она захватывает молодые души, с какой мнимой ясностью она показывает им будто бы ясное решение! Это был 1937—38 год. У нас в Советском Союзе бушевала тюремная система, у нас арестовывали миллионы. У нас только расстреливали в год — по миллиону! Не говорю уже о том, что непрерывно существовал Архипелаг ГУЛАГ — 12—15 миллионов человек сидели за колючей проволокой. Несмотря на это, мы, как бы пренебрегая действительностью, всем сердцем тогда горели и участвовали в вашей гражданской войне. Для нас, для нашего поколения, звучали как родные имена — Толедо, университетского городка в Мадриде. Эбро, Теруэла, Гвадалахара, и если бы только нас позвали и разрешили нам, то мы готовы были тут же броситься все сюда, воевать за республиканцев. Это особенность социалистической идеологии, которая так увлекает молодые души мечтой своей, призывами своими, что заставляет их забыть действительность, свою дей-

тельность, пренебречь собственной страной, рваться вот к такой обманной мечте.

Я слышал, ваши политические эмигранты говорят, что гражданская война обошлась вам в полмиллиона жертв. Я не знаю, насколько верна эта цифра. Допустим, она верна. Надо сказать тогда, что наша гражданская война отобрала и у нас несколько полных миллионов, но по-разному кончилась ваша гражданская война и наша. У вас победило мировоззрение христианское — и хотели войну закончить на этом, и залечивать раны. У нас победила коммунистическая идеология, и конец гражданской войны означал

смотреть своими глазами. Я удивляюсь: знаете ли вы, что такое диктатура, что называют этим словом? Понимаете ли вы, что такое диктатура? Вот несколько примеров, которые я наблюдал сейчас сам.

Любой испанец не привязан к месту своего жительства. Он имеет свободу жить здесь или поехать в другую часть Испании. Наш советский человек не может этого сделать, мы привязаны к своему месту так называемой полицейской «пропиской». У нас местные власти решают, имею я право уехать из этого места или не имею. Это значит, я нахожусь полностью в руках местных властей. Они делают

раскрыли, мы бы сказали: это невиданная свобода, мы такой свободы не видели уже 60 лет.

У вас недавно была амнистия. Вы называете ее ограниченной. Политическим борцам, которые с оружием в руках действительно вели политическую борьбу, сбросили половину срока. Надо сказать: нам бы такую ограниченную амнистию один раз за 60 лет! За 60 лет существования советской власти, мы, политические, никогда не имели никакой амнистии! Мы уходили в тюрьму, чтобы там умереть. Лишь немногие вернулись об этом рассказать.

Конечно, мы этот тяжелый коммунистический опыт пере-

живали, террористам помогало бежать. И крупные общественные деятели в России защищали террористов как самых главных своих любимцев, как невинных людей. Я повторяю, что рассказываю вам эту историю из XIX века, это все было у нас почти век назад. А сегодня это происходит по всей Европе и во всем мире. Мы были свидетелями осенью прошлого года, как западная общественность была взволнована судьбой испанских террористов гораздо больше, чем когда-либо гибелью шестидесяти миллионов человек в Советском Союзе. Мы видим сегодня, как общественность, прогрессивная

друг другу противостоят — на самом деле имеют общую основу. Эта общая основа — материализм, и тянется это уже триста лет. Человечество находится в кризисе, и не в коротком, не в сегодняшнем, это не кризис Двадцатого века. Человечество находится в долгом кризисе, который начался триста, а где и четыре-пять лет тому назад, когда люди откачнулись от религии, откачнулись от веры в Бога, перестали признавать кого-либо над собой и в основу положили прагматическую философию, делать то, что полезно, что выгодно, руководиться соображениями расчета, а не соображениями высшей нравственности. Вот этот отказ — он постепенно развивался и привел ко всемирному кризису, кризису, который, я настаиваю, не политический, а нравственный. Он не касается даже противостояния коммунизма и западного общества, он гораздо более глубок. Это кризис, который привел Восток к коммунизму и Запад к прагматическому обществу. Это кризис материализма. Как решится он — не хватает человеческих глаз, но ясно, что каждая страна может сделать свой вклад в его решение. Быть может, Испания, с ее большой национальной оригинальностью, которая проходит через всю ее историю, быть может, Испания тоже сможет вложить свой особенный, испанский вклад, поможет человечеству разрешить этот страшный кризис, который захватывает все страны мира по-своему и всем нам, всем на Земле грозит уничтожением.

— Вы поселились в Цюрихе. Это вызывает разные толки: Швейцария — страна, где удобно держать капиталы. Что Вы скажете об этом?

— Я как раз сейчас говорил, что Запад — это потребительское общество. А наша молодость прошла в нищете. Я, например, студентом однажды имел неосторожность в бродяжничестве на стул, на котором были налиты чернила. (Тогда пользовались не такими ручками, а чернилами.) Получилось большое пятно, — я проходил пять лет студенчества в этих бродяжничествах, потому что не было возможности купить других. Вот так мы жили, и это у нас в крови, и когда любой советский человек попадает на Запад, даже не в самые богатые страны, даже в те страны, которые у вас считаются нищими, — вы знаете, у нас ощущение... нас думит, нам тяжело это видеть! Мы не можем видеть, как остатки еды выбрасываются. Мы не можем видеть, как не доедают, отставляют тарелку. Поэтому когда мне задают вопрос о Швейцарии, я могу только сказать: да, в благополучных странах Запада мы живем как пленники. Если бы завтра пришла настоящая свобода в нашу голодную и нищую страну, мы завтра вернулись бы всей семьей. Коммунистическая печать очень любит спекулировать на том, что, вот, Солженицын поехал на Запад и стал миллионером. Когда я в Советском Союзе голодал, они не писали об этом ничего. Когда мы там все голодали (и сегодня голодаем), они лгут, что мы там сыты. Да, конечно, у меня здесь большие гонорары, но большая часть этих гонораров составила Русский Общественный Фонд для помощи преследуемым в Советском Союзе и их семьям, и различными путями мы направляем эту помощь в Советский Союз. Мы помогаем заключенным, их семьям, тем, кто едет на свидания в лагерь, и на посылки в лагерь, тем, кто освобождается без копейки. Мы помогаем тем, кого увольняют с работы за убеждения и кто остается без денег. Вам, западным людям, это трудно понять.

А моя остановка в Цюрихе связана с тем, что я писал главы «Ленин в Цюрихе», и там я нашел первоклассные материалы, которых больше нельзя было найти нигде.

Размышления по поводу двух гражданских войн

Интервью А. И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г.*

15 лет назад он, извлекая уроки из трагедии старой России, предупреждал Запад, но не вышло ли неожиданно предупреждение и для России теперешней, для нас с вами!

Слава Богу, картинка не одна к одному, как бы еще недопроявлена эта картинка, но тем ужаснее переключить, словно воплощение кошмарного сна в реальности; поапподирует свободолубивая общественность национальной идее — и как результат, кровавые погромы, и призывание, и приращение к рокам, и возведение убийц в ранг национальных героев; либеральная общественность подкармливает хищного зверя всеобщей (то есть тотальной, на разрушение) политической забастовки.

В итоге в России бесы побеждают ангелов, радикальный беспредел Нечаевых захлестывает шипуче-кровавой пеной трезвую и оттого непопулярную (непопулярскую!) линию Бер-

дяевых и Струве. В результате интеллигенция, стремясь не к глубине, не к сердцевине, а к радикальности, обострению (далее, дальше!), скатывается к обслуживанию ультра. Не так уж сажно, ультралевых или ультраправых — глубоко символично, что интересы ультра сходятся. Вплоть до того, что совпадают в одних и тех же зловещих фигурах.

Сегодня, в середине 1991-го, запомним: Солженицын предупреждал об этом не только в недавней статье «Как нам обустроить Россию». Он предупреждал об этом еще 15 лет назад, давая интервью на другом конце Европы, не нашему телевидению.

Поможет ли нам это предупреждение!

Александр АФАНАСЬЕВ,
политический обозреватель.

не конец ее, а начало. От конца гражданской войны собственно и началась война режима против своего народа. На Западе двенадцать лет тому назад опубликовано статистическое исследование русского профессора Курганова. Конечно, никто никогда не опубликует официальной статистики, сколько погибло у нас в стране от внутренней войны режима против народа. Но профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек. Этой цифры почти невозможно себе представить. В нее нельзя верить. Профессор Курганов приводит другую цифру: сколько мы потеряли во Второй мировой войне. Этой цифры тоже нельзя представить. Эта война велась, не считаясь с дивизиями, с корпусами, с миллионами людей. По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения 44 миллиона человек! И так, всего мы потеряли от социалистического строя — 110 миллионов человек! Поражительно, что Достоевский в конце прошлого века предсказал, что социализм обойдется России в сто миллионов человек. Достоевский это сказал в 70-х годах Десятилетия века. В это нельзя было поверить. Фантастическая цифра! Но она не только сбылась, она превзойдена: мы потеряли сто десять миллионов и продолжаем терять. Факт тот, что мы потеряли одну треть часть того населения, которое было бы у нас, если бы мы не пошли по пути социализма, или потеряли половину того населения, которое у нас сегодня осталось.

Вас миновал этот опыт, вы не узнали, что такое коммунизм, — может быть, навсегда, а может быть, пока. Ваши прогрессивные круги называют существующий у вас политический режим — диктатурой. Вот я уже десять дней путешествую по Испании. Путешествую никому не известный, приглашаюсь к жизни,

со мной, что хотят, и я не могу уехать.

Потом я узнаю, что испанцы могут свободно выезжать за границу. Может быть, вы читали в газетах: из Советского Союза под сильнейшим давлением мирового общественного мнения, под сильнейшим давлением Америки выпускают, и то с большим трудом, некоторую часть евреев. А остальные евреи и, кроме евреев, остальные нации не могут выехать вообще. Мы находимся в своей стране как в тюрьме.

Я иду по Мадриду, по другим городам — я объехал уже более двенадцати городов, и вижу — в газетных киосках продаются все основные европейские издания. Я глазом своим не верю: если бы у нас, в Советском Союзе, выставляли одну такую газету, на одну минуту, полиция сразу бы сбросилась ее срыгать. У нас они спокойно продаются.

Я смотрю, у вас работают ксерокопии. Человек может подойти, заплатить 5 песет и получить копию любого документа. У нас это недоступно ни одному гражданину Советского Союза. Человек, который воспользуется ксерокопией, не для служебных целей, а для начальства, а для самого себя, получает тюремный срок, как за контрреволюционную деятельность.

У вас, пусть с некоторыми ограничениями, допускаются забастовки. В нашей стране за 60 лет существования социализма никогда не была разрешена ни одна забастовка. Участников забастовок в первые годы советской власти расстреливали из пулеметов, хотя бы они имели только экономические требования, а других сажали в тюрьму, как за контрреволюционную деятельность, и сегодня в голову никому не придет кого-то призывать к забастовке. Я печатал в журнале «Новый мир» рассказ «Для пользы тела», там у меня один студент призывает других: «Давайте объявим забастовку». Не то что цензура, а сам журнал «Новый мир» вычеркнул эту фразу, потому что слово «забастовка» не может быть произнесено и напечатано в Советском Союзе. И я говорю: ваши прогрессисты знают ли, что такое диктатура? Если б нам сегодня такие условия в Советском Союзе, мы бы рты

работали нашими душами. После стольких потерь за 60 лет мы получили теперь такую привилегию против коммунизма, которой не имеет никто в Европе, никто на Западе. У нас сегодня совершенно невозможно, чтобы собралась неофициально частная компания и кто-нибудь серьезно говорил о коммунизме. У нас его сочтут за дурака. Мы душою от коммунизма уже освободились. Но мы должны были пережить слишком тяжелый опыт, чтобы к этому прийти. Россия совершила как бы исторический прыжок. Россия по своему общественному опыту оказалась впереди всего остального мира. Я не хочу сказать, что она стала передовой страной. Нет, она стала рабской страной, которая называется Советский Союз. Но опыт мы прошли, равного которому на Западе не прошел никто.

В 60-е годы прошлого века император Александр II начал программу больших, основательных и медленных реформ. Он хотел постепенно преобразовать Россию к свободе и к развитию. Но кучка революционеров в 1861 году выпустила прокламацию, листовку, там было сказано: мы не можем ждать реформ, мы не хотим их ждать, мы хотим немедленного полного освобождения, без постепенности. А так как правительство не хотело его дать, то мы начинаем террор. И когда Александр II в 1861 году провел освобождение крестьян от крепостной зависимости, когда он в 1864 году дал стране великую судебную реформу, то в ответ на это — с 1866 года революционеры начали в него стрелять. Было семь покушений на царя. За царем охотились как за зверем. И в 1881 году его убили, а после этого начали убивать премьер-министров, министров внутренних дел, крупных губернаторов, администраторов, и так началась война между революционерами и правящими кругами, правительством. И вся свободная, либеральная общественность России не отнеслась трезво к этому, не осановила революционеров — она аплодировала им. Каждое убийство видного политического деятеля России вызывало восторг, вызывало аплодисменты. Общество помогало революционерам скры-

общественность, требует немедленных реформ от своих правительств и принищает и радуется террористическим актам. Это было у нас то лет назад, и я могу вам сказать, чем это кончилось: обе стороны ожесточились, правительство стало ненавидеть либеральные круги, либеральные круги стали ненавидеть правительство, и больше никто уже не шел ни на какие уступки. Реформы прекратились. То, что правительство и правящие круги могли дать, они уже в озлоблении не давали. Либеральная общественность не хотела уступить малого, а получить хотела все сразу. В результате мы получили революцию 1905—07 года, потом революцию 1917, и были уничтожены обе стороны, были уничтожены все правящие круги России, дворянство, купечество, и была уничтожена вся либеральная общественность, вся интеллигенция — ее всю вырезали и уничтожили, и остатки ее бежали за границу. И после этого начался вот тот террор, о котором говорит моя книга «Архипелаг ГУЛАГ». террор, который унес 66 миллионов жизней.

Я рассказываю об этом сейчас, но я сам уже не знаю, вообще возможно ли передать опыт от человека к человеку, от одной страны к другой стране. Еще недавно я в это верил. Я в нобелевской лекции говорил, что художественная литература способна передавать чужой опыт. Наша страна пережила эту страшную историю, мы бы могли вам рассказать, вам стало бы ясно, и вы бы не повторили наших ошибок. Но сегодня я не знаю, достаточно ли передать опыт, или каждая страна, каждое общество, каждый человек должен повторить все ошибки другой страны, другого общества, и только тогда научиться. — научиться, когда уже будет поздно. Я смотрю сегодня на вашу молодежь и думаю, что даже у меня — в голове, в ушах, в глазах — память вашей гражданской войны больше сохранилась, чем она сохранилась у этой молодежи.

Странно, но современный тоталитарный Восток и современный демократический Запад — хотя, кажется, это противоположные системы и

* Интервью с разрешения А. И. Солженицына публикуется в советской печати впервые. Заголовок предложен редакцией «КП».